

Проблемы методологии гуманитарных исследований

Ответственный редактор –
д-р ист. наук Э.И. Черняк

Издательство
Томского
университета
2004

И.Ю. Николаева

Гендерная идентичность и проблема синтеза методологий в гуманитарном исследовании

Тезис о междисциплинарности как необходимой методологической составляющей любого гуманитарного исследования сегодня звучит уже не как новое слово в науке, но как хрестоматийная классика вроде сентенций, что «Волга впадает в Каспийское море», а «лошади любят овес». Вряд ли сегодня можно встретить в огромном потоке исследовательской литературы по гендерным проблемам работу, где необходимость «наведения мостов» между разными отраслями знания так или иначе не артикулировалась или не проявлялась бы в конкретных попытках соединения различных дисциплинарных концепций и методик.

Симптомом методологического роста современной междисциплинарной парадигмы в гендерных исследованиях можно назвать устойчивый интерес к системообразующим синтез структурам, среди которых центральное место занимает проблема личности или идентичности. Оставляя пока в стороне вопрос о том, как и почему проблема гендерной идентичности выполняет в сегодняшних гендерных исследованиях методологически центрирующую междисциплинарный подход функцию, подчеркнем, что именно идентичность рассматривается представителями разных областей знания как фокус преломления действия тех многообразных социальных, культурных, географических и природных обстоятельств, что составляют интерьер бытия человека и социальных групп. Более того, представители даже тех областей нау-

ки, которые, как, скажем, психиатрия, были, мягко говоря, далеки от гуманитарных изысков, в попытке решать «свои» проблемы, сегодня не могут обойтись без тех наработок, что сделали гуманитарные науки в плане анализа идентичности. Так, московские психологи Е.Т. Савельева, Н.С. Бурлакова, Ф. Лонтиу одними из первых в отечественной психологии поставили вопрос о том, что найти ключ к всевозможного рода расстройствам гендерного рода можно лишь через рассмотрение аномалий в соотнесенности со здоровой идентичностью, рассматриваемой как целостная структура, интериоризирующая социальный опыт конкретного общества¹.

Очевидно, что современные антропологические увлечения представителей самого разного рода гуманитарных дисциплин также связаны с попыткой найти центр тяжести подхода, который, являясь междисциплинарным, в то же время был бы системно-целостным. И не случайно исследователи все чаще говорят об этой целостности проявляющей себя прежде всего в личности. Характерна в этом смысле позиция Ю.М. Лотмана, одним из первых очень четко сформулировавшего: «...человеческая личность представляет собой сложную психологическую и интеллектуальную структуру, возникающую на пересечении эпохальных, классовых, групповых и индивидуально-уникальных моделей сознания и поведения,... любые исторические изменения реализуют себя через этот механизм, а не помимо него...»²

Соответствующая данной методологической посылке модель междисциплинарного анализа могла бы создать почву для приближения к решению той сверхзадачи синтеза методологий, о какой в 60–70-е гг. XX в., на которые приходится пик междисциплинарных поисков, очень много говорили и писали представители самых разных отраслей знания и которая (напомню здесь слова

¹ Соколова Е.Т., Бурлакова Н.С., Лонтиу Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3. С аналогичных позиций подходят к проблеме и новосибирские исследователи, считая, что различные формы патологии доступны для корректного анализа и лечения лишь через знание механизмов формирования и развития идентичности в «социокультурной норме». См. об этом: Идентичность в норме и патологии / Под ред. Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. Новосибирск, 2000.

² Лотман Ю.М. Биография – живое лицо // Новый мир. 1985. № 12. С. 230.

Арона Яковлевича Гуревича) остается сверхзадачей исторической науки.

Одной из причин «пробуксовки» многочисленных попыток исследователей достичь искомого идеала долгое время было состояние самих гуманитарных дисциплин. Неразборчивая «всеядность» в выборе «комплекующих» междисциплинарную парадигму теорий и методов, эклектизм и механистичность использования методов других дисциплин во многом определялись их уязвимой методологической посылкой. А точнее отсутствием таковой. Используемые для синтетической модели концепции и методы не имели общего стержня, общего знаменателя, который бы позволил сказать, что эти методы и концепции используются действительно системно. За произвольностью выбора концептуальных и методологических ориентиров междисциплинарных исследований 60–70-х гг. скрывался фундаментальный факт – невыявленность той основы, которая могла бы служить методологической скрепой для составляющих синергетический подход методов.

Однако сегодня становится совершенно очевидным, что накопленный наукой во второй половине XX в. багаж делает вполне реальной формулировку такой методологической программы (или программ), в основе которой лежат взаимопересекающиеся, комплементарные, имеющие общий методологический фокус теории и методы, позволяющие создавать исследовательские стратегии, с помощью которых возможны аналитическая работа в режиме методологического синтеза, и, что очень важно, верификация полученных результатов. Сказанное относится и к области гендерных исследований, которые как никакие иные лежат в плоскости пересечения концептуально-методологического инструментария всего спектра гуманитарных (и не только) дисциплин.

В том широком поле выбора, в котором наличествует множество конкурирующих концепций, выделяются те, чья комплементарность определяется тем, что они находятся в положении диалогического напряжения друг к другу, имея методологическое сходство в ключевых понятиях. Не перечисляя весь корпус возможных комплекующих для обозначенных исследовательских стратегий, назову широко вошедшие в научный оборот концепции установки, габитуса, идентичности, социального характера, связанные с такими хорошо известными в научном мире именами,

как Э. Фромм, Э. Эриксон, П. Бурдьё, Д. Узнадзе¹. Важно отметить, что данные подходы, и я попытаюсь показать это, не только комплементарны друг другу, но и представляют в качестве синергичной системы методологическую модель, открытую для многих других подходов. Например, для многочисленных концепций смеха, принадлежащих авторам, чьи позиции, на первый взгляд, противоречат друг другу, но, попадая в силовое поле действия означенной модели, утрачивают свою диалогическую напряженность и начинают работать в едином инструментальном оркестре, исполняя собственную партию. Важная оговорка – данные социологические, психологические, культурологические концепции могут выполнить роль комплекствующих методологических инструментов в предлагаемой междисциплинарной модели лишь при условии, что роль дирижера в их оркестре будет принадлежать истории, и только ей.

Начну с того, что позволяет говорить о взаимодополняемости и точках пересечения означенных теорий и концепций. Центральной методологической проблемой исторического синтеза в гендерных исследованиях, как известно, является проблема путей выявления сложной связи видимого и невидимого, мира материального, вещного, и мира тонких структур умонастроений, к которому настойчиво подбиралась наука второй половины XX в. Оказалось, что каркас этих миров один, и строится он из кирпичиков коллективного и индивидуального бессознательного.

Именно бессознательное и является общим методологическим фокусом названных концепций, их скрепой, именуется ли оно установкой в теории сторонников отечественной школы (ее родина – советская Грузия) Д. Узнадзе, идентичностью в теории американского психоисторика Э. Эриксона, габитусом в социологической концепции француза П. Бурдьё или социальным характером в психоаналитической теории американца Э. Фромма. Принципиально важно, что бессознательное в них интерпретируется и анализируется как упорядоченная всем стилем жизни общества соци-

¹ См. к примеру: *Фромм Э. Бегство от свободы*. М., 1990; *Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис*. М., 1996; *Erikson E.H. Young Man Luther*. N.Y., 1958; *Idem. Gandhi's Truth*. N.Y., 1969; *Бурдьё П. Социология политики*. М., 1990; *Бессознательное: Природа, функции и методы исследования*. В 4 т. Тбилиси, 1978. Т. 1.

ально-психологическая матрица установок в поведении людей, формирующаяся контекстом исторического опыта поколений, социальных групп и отдельных личностей. Бессознательное в рамках данных концепций предстает как система, включающая не только глубинные или природные структуры человеческой психики, но и накопленный культурный багаж стереотипов, сформировавшихся при непосредственном участии сознания, однако в силу целого ряда причин существующих и действующих в границах данной системы в режиме неосознаваемости.

Именно фокусирование предлагаемой исследовательской стратегии на таким образом понимаемой природе бессознательного позволяет объединить познавательные ресурсы названных концепций в поисках точек взаимопроникновения материальных и ментальных структур исторического бытия человека. Нелишне напомнить, как формулировал эту задачу еще в начале 60-х гг. А.Я. Гуревич: «Между объективной материальной причиной и ее действием, выразившимся в поступках людей, существует не механическая и не непосредственная связь. Весь комплекс обстоятельств, подводимых историком под понятие причин данного события, не воздействует на людей просто как внешний толчок, а посему исследователю надлежит выяснить, как в каждом конкретном случае изученная им общественная жизнь отражалась в головах людей, откладывалась в их понятиях, представлениях и чувствах, как, подвергшись соответствующим субъективным преобразованиям, эти факторы предопределяли поступки людей, побуждали отдельных индивидов, а равно социальные группы и массы совершать те или иные действия»¹.

В выявлении пластики названных трансформаций каждая из предлагаемых концепций имеет вполне определенные возможности. Но ресурс каждой из них ограничен. Их синтез может быть осуществлен с помощью того принципа, которым пользовался Дж. Леви, один из крупных авторитетов в изучении экономической истории. Он первым попытался приложить к объекту исследования сразу несколько теорий, в отличие от обычной практики социальных наук, когда одна теория прикладывается ко многим объектам.

¹ Гуревич А.Я. Некоторые аспекты изучения социальной истории // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 55.

Этот принцип позволяет не только верифицировать полученные результаты, полученные с помощью одной из теорий, но и увидеть те лакуны, те проблемные ракурсы анализируемого объекта, которые недоступны для исследовательского взгляда ученого, работающего с помощью какой-либо единственной научной стратегии¹.

Встает вопрос – с чего начать? Истоки исторической динамики любых явлений невозможно понять, минуя тот пласт, который на профессиональном языке именуется «историей повседневности». Каждый человек, будь то мужчина, женщина, ребенок или взрослый, в непрерывном потоке своего исторического бытия каждодневно сталкивается со своей «еще не разрешенной задачей». На языке теории установки механизм потребности, «осуждающий» его на непрерывную постановку все новых и новых задач, в каждой конкретной ситуации служит своеобразным спусковым крючком для приведения в «боевую готовность» так называемой первичной, нефиксированной и нереализованной «здесь» и «сейчас» унитарной установки личности. Она представляет собой неосознаваемую готовность к осуществлению той или иной предстоящей актуальной деятельности. Она предпосылочна, в том смысле, что детерминирована прошлым опытом личности.

Можно предположить, что схожесть микроисторических ситуаций и задач способствует фиксации установок, отвечающих за такой важный регулятивный механизм жизнедеятельности личности, как автоматизмы сознания и поведения. Как говорил Лейбниц, мы все на три четверти автоматы. В процессе осуществляемой «здесь» и «сейчас» деятельности эти фиксированные установки носят неосознаваемый характер, хотя их структура содержит в себе реализовавшиеся ранее установки, рационализированные в соответствии с возможностями понятийного аппарата общества. Под влиянием определенной неудовлетворенной потребности человек неосознанно «извлекает из себя» свои старые знания, весь свой прошлый опыт, куда входят и реализовавшиеся ранее установки, выступающие как «шаблоны» деятельности². Эти

¹ См. об этом: *Полетаева И.М., Савельев А.В.* Микроистория и опыт социальных наук // Социальная история: Ежегодник. М., 1998/99. С. 110.

² *Шерозия А.Е.* Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы // Бессознательное: Природа, функции и методы исследования. Тбилиси, 1978. Т. 1. С. 53.

шаблоны или автоматизмы, еще раз подчеркнем, рационализируются на языке сформировавшихся данной культурной средой понятий. Если задуматься, то последние представляют собой ничто иное, как багаж фиксированных установок, представляющих ценностные ориентации людей. Неудивительно, что логика и язык этих ценностных ориентаций будут существенно отличаться в разных временных и историко-географических средах (напомним, что эту проблему отличий коллективных представлений, правда, в более узком ключе, имея в виду лишь различия психологических механизмов, формирующих мыслительные процессы современного человека и человека «архаического», одним из первых поднял еще Л. Леви-Брюль).

Сама по себе теория установки конечно бессильна в реконструкции этой матрицы человеческого сознания. Ее эвристический потенциал может быть использован, если применяющий ее исследователь будет опираться на материал, который может дать история. Именно она с помощью разного рода дисциплин может определить ту систему бытийственных координат, в которых происходит формирование потребности в решении той или иной конкретной задачи. Именно она с помощью соответствующих методик с относительно большой степенью точности может определить, насколько устойчивым был тот или иной комплекс фиксированных установок, определявших латентную картину мира человека данной культуры.

Здесь же уместно поднять вопрос о том, насколько корректной может быть работа историка по выявлению фиксированных установок. С одной стороны, гарантом корректности может быть работа с источниками, основанная на центонном принципе. Сошлюсь на ход рассуждений И.Н. Данилевского, который убедительно доказывает, что текстологический анализ скрытых смысловых уровней, основанный на теории центона, верифицируем, что его принципиально отличает от постмодернистских «интерпретаций интерпретаций»¹.

С другой стороны, эта верификация обретает дополнительную силу опять-таки благодаря некоей исторической процедуре, под-

¹ См. об этом: *Данилевский И.Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII – XIV вв.). М., 2000. С. 12 – 13.

разумевающей выявление смысловых и сравнительно-исторических параллелей между фиксированными установками и системой координат, в которых они родились.

Еще более тонкие срезы в анализе системы фиксированных установок может дать привлечение теории габитуса французского социолога П. Бурдьё. Габитус – это бессознательно усвоенные, закреплённые привычки поведения, принадлежащие к сфере неосознанного, необсуждаемого, само собой разумеющегося. Говоря о том, что габитус формируется в системе взаимосвязанных и взаимозависимых полей, в которых протекает жизнь людей (поле экономики, поле политики и т.д.), П. Бурдьё, как и сторонники теории установки, рассматривает его как некую ментальную матрицу, обеспечивающую целостность личности. Вместе с тем требование выделения структур взаимозависимых полей как фактора, формирующего системную организацию габитуса, является существенным методологическим коррективом к концепту установке в междисциплинарном анализе.

Взаимодополняемость инструментария теории установки и габитуса видна также в том, что если понятие габитуса лишено динамического измерения (Бурдьё не ставит вопрос о механизмах его трансформации), то теория установки позволяет отчасти снять эту проблему, открывая путь к пониманию динамики ментальности и ее структурированию. Авторы теории установки наряду с фиксированными установками выделяют актуально-моментальные или диспозиционные, которые, в отличие от первых, являющихся «независимой переменной» человеческого поведения, представляют собой «промежуточные переменные» такового¹. Именно они в первую очередь «ответственны» за новизну ответа, который дает личность на вызов среды. Степень их рационализации гораздо менее значительна, особенно в примитивных обществах, чем установок фиксированного характера. Они возникают в ситуации субъективного переживания некоей неудовлетворенности при «встрече» потребности и наличествующих средств ее удовлетворения. По-видимому, причиной неудовлетворенности является бессознательно переживаемая невозможность

¹ *Надирашвили Ш.А.* Закономерности формирования и действия установок различных уровней // Бессознательное ...С. 112.

разрешить задачу привычным образом, неадекватность тех автоматизмов поведения, которые сложились на базе фиксации прежнего опыта.

Возникающие в процессе непосредственного решения стоящей перед индивидом «здесь и сейчас» задачи, эти установки, если использовать психоаналитическую терминологию, действуют в режиме «инсайт», то есть своеобразных мгновенных озарений. В силу их первоначальной несовместимости со сложившейся на базе фиксированных установок структуры личности, актуально-моментальные установки имеют тенденцию «уходить» в область подсознания, служа при необходимости и благоприятных условиях строительным материалом для формирования новых фиксированных установок.

Обращаясь к вопросу о том, как «ведут» себя актуально-моментальные установки, когда отсутствуют условия для их фиксации, для того чтобы на их базе сложился комплекс новых фиксированных установок или автоматизмов сознания, следует подчеркнуть, что в рамках означенных теорий трудно объяснить их регулятивную роль, когда они являются вытесненными из сознания. Здесь методологически уместным будет обращение к психоаналитическим процедурам анализа, с помощью которых возможно расшифровывать содержание данных процессов. Это и концепты переноса, замещения, вытеснения, которые наработала психоаналитическая традиция. Небольшой пример: объяснить феномен охоты на ведьм, развернувшейся в Западной Европе в период эрозии традиционного уклада, вряд ли будет возможным, если мы не прибегнем к психоаналитическому инструментарию.

В условиях эрозии патриархального уклада, когда в Западной Европе все большее число людей втягивалось в товарно-денежные отношения, когда расширились границы для свободы поведения во многих иных сферах, и прежде всего в сфере частной жизни, далеко не все смогли воспользоваться этими перспективами. Многие раззорялись, терпели жизненное фиаско в иных сферах, и потребность в оправдании, морально-религиозном санкционировании новой экзистенции, не подкрепленная прежним опытом, приводила к тому, что «зажатое» или вытесненное стремление к наживе, выбору брачной партии, сексуального партнера переносилось на те фигуры, которые могли потенциально выступить «коз-

лами отпущения». Учитывая устойчивость блока фиксированных гендерных установок европейцев, связанных с общей негативной оценкой женщины в средние века, и остроту ломки традиционного уклада в Западной Европе на рубеже XV–XVI вв., не удивительно, что именно женщины явились в первую очередь объектом проецирования негативных эмоций мужчин, представителей тех социальных страт, которые не могли вписаться в новый социоисторический ландшафт жизни¹. (Это лишь один из многочисленных вариантов работы того сложного механизма, который, перефразируя Гегеля, можно было бы назвать «хитростью бессознательного». Не принимая во внимание данный механизм, невозможно понять явления ведовской охоты и аналогичные им).

Далее. «Встреча» концепций установки и габитуса может придать новое звучание теориям социального характера Э. Фромма и идентичности Э. Эриксона. При всей ценности исследовательского потенциала двух первых подходов их уязвимым местом является отсутствие методологического инструментария, с помощью которого возможно реконструировать связи между индивидуальным и коллективным опытом, объяснить появление тех личностей, которым история отводит главные действующие роли в те или иные поворотные моменты своего развития. Концепция идентичности Э. Эриксона, во многом пересекающаяся с данными подходами, на сегодня представляется наиболее перспективной исследовательской стратегией, способной в совокупности с уже названными исполнить роль такого инструмента.

Идентичность можно представить как систему интериоризованных и выработанных установок личности, которая призвана обеспечить бессознательное чувство целостности и адекватности

¹ В исторической науке накоплен богатый опыт использования психоаналитических концепций в психико-исторических исследованиях феномена ведовства. Среди бесчисленного множества работ назову наиболее цитируемые: *Macfarlaine A.* Witchcraft in Tudor and Stuart England. A Regional and Comparative Study. N.Y., 1970; *Kieckhefer R.* European Witch Trails: Their Foundations in Popular and Learned Cultures, 1300–1500. Berkeley, Los Angeles, 1976; *Thomas K.* Religion and Decline of Magic: Studies in Popular Beliefs in Sixteenth and Seventeenth century England. L., 1976; *Demos J.P.* Entertaining Satan: Witchcraft and the Culture of Early New England. N.Y.; Oxford; etc., 1982; См. об этом также: *Гуревич А.Я.* Ведьма в деревне и перед судом // Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 308–375.

«Я» обществу через принятие норм, ориентиров и табу тех микро-социальных групп, в которых личность социализируется в обществе. Становление идентичности Эриксон рассматривает как развивающуюся конфигурацию, которая, начиная с детства, постоянно перекристаллизуется путем последовательных «Я-синтезов». Последние могут протекать относительно безболезненно в условиях «здорового» общества. В обстоятельствах исторического кризиса для личности становится затруднительным принять существующие социальные и идеологические императивы как «свои» – не срабатывают автоматизмы сознания или фиксированные установки. Личности наиболее ранимые переживают подобные кризисы идентичности наиболее остро. Именно из их среды, как правило, появляются харизматические фигуры, лидеры-новаторы, которые – в силу личной способности к наиболее адекватной интериоризации культурно-исторических конфликтов социума и их последующего «страдательно-творческого» решения «для себя» – могут сформулировать на базе собственного опыта экспериментирования с новыми установками ту, как сказал бы П. Бурдьё, форс-идею, которая позволит будущим его последователям найти выход из социально-психологического тупика, связанного с данным кризисом, и которая явится структурообразующим ядром новой психосоциальной идентичности.

Теории установки и габитуса позволяют с большей научной строгостью скорректировать применение этой модели, которая позволяет во многих случаях просчитать появление таких новаторских фигур, как явление закономерного порядка, а не «случайных комет». Очень схематично обозначу их возможное вспомоществование. Эриксон выделяет национальную, половую, религиозную, профессиональную, групповую, позитивную, негативную, спутанную, эго-идентичность. При этом остается не совсем ясным, как они коррелируются в единой структуре личности. Теория установки в умелых руках историка может помочь разобраться с тем, как в каждой из соответствующих ниш нарабатывался соответствующий багаж тех или иных установок или, выражаясь языком теории Бурдьё, политический, религиозный и пр. капитал. Именно теория полей Бурдьё, как системы взаимосвязанных социальных ниш, позволяет точнее разобраться в том, как личность, социализируясь в тех или иных группах (будь то структуры част-

ного, государственного, этнополитического или какого-либо иного характера) интериоризовала те автоматизмы, которые представлены фиксированными установками данных групп. Тем самым открывается путь к пониманию точек пересечения всех перечисленных видов идентичности как некоей системы психосоциальной идентичности (или единой нефиксированной установки, как сказал бы Узнадзе). Тем самым открывается возможность более точно соотнести персональную идентичность будущего новатора с психосоциальной (Э. Фромм интерпретирует этот механизм как соотнесение черт характера лидера с психосоциальным опытом его адептов¹), с габитусом общества.

Опять-таки с помощью теории установки именно историк может, пользуясь моделью Эриксона, профессионально точно просчитать течение кризиса. Именно он, привлекая исторический материал, может показать, как и какие фиксированные установки блокировали выход из кризиса. Но он не всесилен. Самые тонкие моменты человеческого поведения в момент кризиса, который Эриксон именуется психосоциальным мораторием, он не в состоянии объяснить самостоятельно. Эриксон показал, что такие моменты, как правило, связаны с психосоматическим кризисом. Знаменитый «приступ» на хорах Лютера, психопатический срыв после провала пивного путча Гитлера, выпадение волос у Грозного во время ожидания в Александровой слободе, многочисленные примеры тяжелых психосоматических кризисов из истории женской святости в средневековых социумах – вот лишь малая часть возможных иллюстраций этой закономерности. И ее тоже можно объяснить в строгом научном контексте, только не теории Эриксона, а теории установки и психоанализа. Согласно им установка сама из себя черпает энергию². Психика человека, как отмечал еще З. Фрейд, функционирует по принципу удовольствия. В том случае, если фиксированные установки не срабатывают, а актуально-моментальные адаптогены не выработаны или же недостаточно сильны, чтобы позволить личности комфортно и свободно действовать в соответствии с ними, наступает стресс, порожденный конфликтом потребности и унитарной установки личности. Отсутствие положительных эмоций служит почвой для

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. М., 1990. С. 64.

² Шерозия А.Е. Указ. соч. С. 53.

Отсутствие положительных эмоций служит почвой для психосоматических расстройств самого разного характера.

Безусловно, в этом смысле бессознательное представляет неизведанное поле бездн человеческой психики. Наверное, здесь историку может помочь и медицина. Уже отмечалось, что работа в этом направлении ведется. Опыт московских психологов и новосибирских психиатров тому порукой¹. Представляется симптоматичным, что оба коллектива авторов, в поисках эффективных способов борьбы с психическими расстройствами самого разного рода, отказываются от традиционного объяснения психологически девиантного поведения через биологический, сексуальный или иной другой природный механизм, полагая, что все перверсии так или иначе связаны со своеобразием строения целостной личности, с особенностями ее социокультурного становления.

Контурь предлагаемой исследовательской стратегии открыты не только для системного использования означенных психологических концептов и методов. Здесь вкупе с имеющимися серьезными культурологическими теориями смеха открываются и более широкие возможности для анализа многих явлений в их стереоскопической полноте. Например, инструментарий данной междисциплинарной стратегии позволяет с большой степенью строгости анализировать смеховой дискурс гендерных смыслов в немецких шванках предреформационного и реформационного периодов.

Одним из первых к этой теме обратился Г.Ю. Бахорский, используя концепцию габитуса П. Бурдьё². Женский дискурс в шванках отсутствует. Однако образ женщины в этих текстах «проговаривается» об умонастроении мужской части общества, выявляя характер и механизмы самоопределения мужчины, гендерные установки его сознания. Г.Ю. Бахорский, проанализировав эти установки как систему взаимосвязанных смыслов, пришел к выводу, что смех, звучащий в шванках раннего времени (XV в.),

¹ См.: Соколова Е.Т., Буракова Н.С., Лонтиц Ф. К обоснованию клинико-психологического изучения расстройства гендерной идентичности // Вопросы психологии. 2001. № 6. С. 3–16; Идентичность в норме и патологии / Под ред. Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Е.Н. Загоруйко. Новосибирск, 2000.

² Бахорский Г.Ю. Тема секса и пола в немецких шванках XVI века // Одиссей. Человек в истории. 1993. М., 1994. С. 50–69.

резко контрастирует со смехом аналогичных текстов XVI в. Если в ранних шванках он отражает радостное приятие телесности во всех ее проявлениях, беззлобное, исполненное комизма осмеяние ситуаций, в которых жена дерзким образом обманывает мужа, высмеивание сексуальной неискушенности и утверждение безудержного удовлетворения сексуальных потребностей, то в поздних шванках смех радикально меняется. Мрачно-пессимистическая тональность становится характерной чертой гендерного дискурса. Сексуальные претензии женщин изображаются настолько угрожающими, что мужчинам остается лишь проявлять жалкое бессилие. Страх бессилия выливается в агрессию, направляемую мужчиной против собственного тела, прежде всего против фаллоса.

За сменой тональности смехового дискурса в шванках, по мнению Г.Ю. Бахорского, скрывался фундаментальный сдвиг в системе габитуса, то есть в системе неотрефлектированных установок, определяющих поведение личности. Причем, казалось бы, чисто сексуальный дискурс скрывал за собой более общие смысловые оппозиции, конституировавшие идеологические столкновения века. В теме осмеянного «низа» находила продолжение «ограничительная», «запретительная» интонация реформационной ментальности, которая распространялась не только на свободное проявление сексуальных интенций, но и на весь спектр различных форм жизнедеятельности, которые так или иначе не были связаны с этикой полезности и угрожали упорядоченному рацио протестантского социума.

Не останавливаясь подробно на разборе нюансов смехового дискурса в означенных шванках, стоит подчеркнуть главное. Гипотеза Бахорского, основанная на применении концепции габитуса, может быть дополнительно прояснена и верифицирована с помощью концепции идентичности и смеховых концепций Л.В. Карасева, С.С. Аверинцева, Р. Генона. Далекое не случайно, что названные здесь концепции объясняют природу смеха в разном ключе. Для первого автора смех – это стихия, в которой проявляют себя как человеческая природа, так и культура (Л.В. Карасев выделяет смех тела и смех ума). Причем, следуя Аристотелю, рассматривавшему смех как «часть безобразного», Л.В. Карасев считает, что смех возникает в ситуации бессознательного ощущения

возможности преодоления зла¹. С.С. Аверинцев, так же как и Р. Генон, вскрыли иные аспекты смеха. Они показали, что смех может быть и «злым» и необязательно заключать в себе жизнеутверждающие интонации, о которых много писали исследователи, начиная с М.М. Бахтина².

Оппозиция данных концептуальных подходов к феномену смеха может быть снята с помощью концепции идентичности Э. Эриксона. Известно, что Эриксон выделяет позитивную идентичность, негативную и смешанную. Позитивная идентичность означает твердое и относительно безболезненное для всей структуры личности усвоение социокультурных императивов окружающего мира. Для негативной – свойственна затрудненность интериоризации культурных и идеологических установок социума, особенно проявляющаяся в ситуации социального кризиса. Эти установки не воспринимаются как «свои». В этой ситуации Супер-Эго выступает в качестве карающей инстанции сознания, жестко напоминающего о «грехе» и создающего почву для негативной самооценки, которая вовсе не обязательно осознается в полной мере, но порождает подсознательный дискомфорт. Смешанная или спутанная идентичность – это идентичность человека или группы, находящихся в ситуации психосоциального моратория, или «экзистенциальной кризисной ситуации», когда не устанавливается и механизм происхождения разного рода смеха. Способность «принять себя», в том числе и свою «греховность», в том случае, если это не угрожает целостности «Я», порождает, условно говоря, «добрый» смех над собой и своими «грехами». Противоположная ситуация порождает «злой» смех, за которым стоит личность, не обретшая позитивную идентичность.

Возвращаясь к анализу немецких шванков Г.Ю. Бахорским, мы можем сказать, что привлечение данных концепций позволяет констатировать, что круг замкнулся. Логика анализа исследовате-

¹ См.: Карсев Л.В. Парадокс о смехе // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 47–65; *Он же*. Смех и зло // Человек. 1992. № 3. С. 14–27.; *Он же*. Антитеза смеха // Человек. 1993. № 2. С. 12–31.

² См.: Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992. С. 7–18; Генон Р.О смысле «карнавальных» праздников // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 45–48.

лем гендерного дискурса через концепцию габитуса совпала с логикой анализа через комплементарное применение смеховых концепций и концепции идентичности. «Мажорность», жизнеутверждающие интонации гендерного дискурса предреформационного времени были свойственны тем, кто наиболее успешно реализовывался в рамках существовавшей производственной и идеолого-религиозной системы координат, имевших позитивную идентичность. И, наоборот, пессимизм и агрессия поздних шванков были порождены сдвигом в мироощущении тех немцев, которые, подчинившись диктату новых протестантских ценностей и табу, с трудом адаптировались к новым реалиям жизни.

Кстати говоря, этот вывод косвенно подтверждают и другие исторические исследования новоевропейской ситуации, связанной со становлением буржуазного уклада. Негативная мужская идентичность обществ, где оформление данного уклада вызывало резкую ломку привычного образа жизни, выражалась, как убедительно показывает ряд авторов, в актуализации агрессивного гендерного стереотипа в оценке женщины, которая воспринималась как источник сладострастия, сексуальной невоздержанности, мотовства, агрессии¹.

В рамках предложенной исследовательской стратегии более понятным становится и тот момент, который Г.Ю. Бахорский охарактеризовал как «одновременность разновременного», имея в виду сосуществование в шванках, относящихся к одному периоду, противоположных по своему характеру смеховых гендерных дискурсов. Парадоксальность данного сосуществования снимается, если посмотреть на данное явление как свидетельствующее о смешанной идентичности, особенно характерной психосоциальному строю личности в период кризиса.

Завершая, подчеркнем, что накопленный гуманитарным знанием рубежа веков методологический ресурс позволяет более корректно интерпретировать не только историческую пластику гендерной идентичности, но и верифицировать полученные выводы с достаточно большой степенью точности.

¹ См., напр.: *Henderson K.U., McManus B.F.* Halfhumankind: Contexts and texts of the controversy about women in England, 1540–1640. Urbana, 1985. См. об этом также: *Ренина Л.П.* Гендерная история: проблемы и методы // Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 50.